

"Мисс Грейнджер, - прошипел Яксли. "Лидия Бакстер мертва. Парвати Патил мертва. Гвен Мортенсен все еще с Целителями". Он оперся на локти, приблизив лицо, и перешел на разговорный тон. "Это был очень дорогой переверот, который вы только что устроили. Поскольку я ваш нынешний Держатель, мне доставляет огромное удовольствие расплачиваться за ваши грехи". Он кивнул через плечо. "Тед Нотт может отменить для меня плату за девушку Бакстера. Но я уверен, что Макнейр не отнесется к этому с пониманием".

"Но мне кажется интересным, что девочка Лавгуд все еще жива", - сказал Яксли, и голос его сорвался на полуслове в странном подражании Люциусу Малфою. "Полагаю, жизни остальных были для вас не так ценны".

Как будто Яксли успел вовремя, из уголка ее левого глаза скатилась слезинка и скатилась к уху.

"О, не плачьте, мисс Грейнджер". Он усмехнулся, и по ее коже пробежала дрожь, когда он провел пальцем по ее щеке, чтобы стереть слезу. "Никто больше не пострадает из-за вашей некомпетентности. Вам просто нужно вести себя хорошо до вечера этой пятницы".

Он прошептал " Фините Инкантатем ", и она глотнула воздух, как в вакууме: легкие вдавились в ребра так, что казалось, они треснут. Мышцы рук и ног затряслись от борьбы со страшным проклятием. Ее губы дрожали.

"Как вам это нравится, мисс Грейнджер?" прошептал ей на ухо Яксли. Она отказалась повернуться к нему лицом, продолжая смотреть в потолок, словно все еще находясь в состоянии окаменения. "Мне нужен словесный ответ. Или мне придется оставить вас здесь до пятницы".

"Да". Она не узнала свой голос.

"Замечательно". Яксли поднялся и направил на нее свою палочку. "Это последнее слово, которое я хочу услышать от тебя. Silencio".

Она была благодарна. Теперь она могла кричать.

~*~

Яксли и Долохов проводили ее в душевую. Она не знала, сколько времени провела в конференц-зале за столом, но в душевых к ее приходу уже никого не было. Остальные девушки из ее группы уже ушли.

Какие еще девушки? Она мрачно усмехнулась. Половина из них была мертва.

Яксли ушел готовить медицинскую команду, и как только дверь закрылась, Долохов снова посмотрел на нее, скользнув взглядом по ее телу. Он протянул ей полотенце. Она ждала. Молясь, чтобы он повернулся и ушел.

Он жестом указал на душевые. Плиточные коробки без дверей и занавесок. Она не помнила, чтобы другие девушки говорили об отсутствии уединения в душевых. Просто они были слишком короткими.

Она оглянулась на Долохова, потом на дверь и подняла брови.

"Не могу оставить тебя одну, милая". Он подмигнул ей.

Она сглотнула. Она посмотрела в сторону душа, а затем вернула ему полотенце. Она решила не делать этого. Он не взял его.

"О, ты помоешься", - сказал он. Он подошел к ней ближе, и она подняла подбородок. "Или я сделаю это за тебя".

Он поднял руку, чтобы коснуться ее, может быть, волос или плеча. Она отскочила в сторону и подошла к душу, включив струю.

Она скинула кроссовки. Расстегнула молнию на толстовке. Сняла куртку и джемпер. Лезвие заклинило, которым он ее ударил, прорезало все слои одежды, оставив на ней небольшие зазубрины. Она повернулась лицом к струе, наблюдая, как поднимается пар, извиваясь, словно огонь.

Она расстегнула пуговицу на джинсах. Потянула вниз молнию. Она стянула трусики и джинсы вместе и быстро вышла из них. Сдернула через голову рубашку, стягивая со спины засохшую кровь. Расстегнула лифчик.

Она шагнула под воду и представила, как принимает душ дома в Хэмпстеде. Шампунь ее матери на краю ванны. Бритва ее отца в мыльнице.

Она откинула волосы на плечо, держась спиной к двери. Вода, попадая на раны, жалила спину. Открыв глаза на кафель, она обнаружила на выступе маленькую бутылочку с моющим средством.

Ее мать пела в душе. И пахло малиной.

Набрав в ладони моющее средство, она провела им по коже.

Когда она была моложе, у них была собака. И они всегда мыли собаку в ванной, создавая беспорядок. Собака убежала или потерялась, когда ей было девять лет.

Умная собака.

"Ты все вымыла?"

Она снова была в душевой министерства, где Антонин Долохов наблюдал за ней под водой. Первый мужчина, увидевший ее обнаженной.

Она знала, что он имел в виду. Как она должна была... с ним здесь. Ее плечи напряглись до самых ушей.

"Почисти эту прелестную пизду, Грейнджер, или я сделаю это сам".

Она снова закрыла глаза. И потянулась вниз между ног, чтобы быстро намылить их.

Ей хотелось, чтобы вода была погорячее. Обжигающей.

Она повернула кран и вышла, стараясь держаться к нему спиной. Она взяла с крючка полотенце и плотно укуталась. Она услышала, как Долохов идет к ней, и сосредоточилась на полу.

Ей что-то сунули в лицо. Больничный халат. Она нахмурилась и взяла его.

"У меня не целый день".

Она натянула халат поверх полотенца и бросила его на пол. Долохов бичевал ее одежду, зачаровывал ее так, что она складывалась и прыгала ему в руки, а ее трусики оказывались сверху. Он поднял их, покрутил на пальце и ухмыльнулся.

Он повел ее по коридору, с нее все еще капало. Она подумала, что, возможно, ей стоит снова попробовать бежать. Бесплезная толкучка, может, удастся его обезоружить.

Босиком и мокрый. Молчаливая. Бежать по Министерству в больничном халате.

Гермиона не сводила глаз с земли.

Он привел ее в комнату, мимо которой она пробежала, - ту самую, из которой выглянул медиум.

Стол для осмотра и два медиумов. Он затолкал её внутрь. Сердце бешено колотилось, но она постаралась вспомнить, что никто из остальных не пострадал после медицинского осмотра.

Одна из женщин в белом повернулась, чтобы поприветствовать их, и побледнела, когда ее взгляд упал на Гермиону.

"Входите, - пискнула она.

Гермиона, шаркая, направилась к смотровому столу, с которого капала вода. Ведьма наложила на нее осушающие чары, и Гермиона кивнула в знак благодарности. Вторая ведьма несколько раз моргнула, когда повернулась и увидела Гермиону. Она была старше, с седеющими волосами, пухлой фигурой. Она быстро вернулась к своему занятию.

"Полное обследование. Подробно." Долохов скрестил руки, стоя перед дверью.

Гермиона забралась на стол для осмотра, придерживая халат.

"Есть шанс, что ты беременна?" - спросила младшая ведьма.

Гермиона сглотнула и покачала головой: "Нет".

Медиум провела диагностику. Гермиона прочитала результаты в обратном порядке, не обнаружив никаких свежих шрамов или синяков, ни внутренних, ни внешних. Только что-то светилось красным, как мигающий стоп-сигнал. Девушка нахмурилась и распахнула заднюю часть мантии. Гермиона тихонько выдохнула, разглядывая зазубрины на коже. Одно заклинание, и они были исцелены.

Юная ведьма осторожно подняла левую руку и осмотрела творение рук Беллатрикс Лестрейндж. Она быстро взглянула на Гермиону, а затем отвела взгляд. Она остановилась на нескольких шрамах, полученных ею за последний год в бегах.

Вспомнив свой вопрос, Гермиона проверила руку. Подпись Яксли располагалась прямо над шрамом от мадблад. Они позаботились о том, чтобы шрам был по-прежнему заметен.

"Когда ты в последний раз ела?"

Гермиона покачала головой.

Ведьма подмигнула ей. "Многие из твоих питательных веществ находятся на низком уровне. Ей

следует..." Девушка быстро посмотрела на Долохова, а затем захлопнула челюсть. "Я рекомендую ей есть больше. Особенно белков".

Долохов закатил глаза. "Да ты каждый раз так говоришь". Он отошел от стены и приблизился к столу. "А другое заклинание?"

Старший медиум нахмурился, а у младшего дернулся глаз. Она снова повернулась к Гермионе и сказала: "Прилягте, пожалуйста".

Гермиона глубоко, беззвучно вздохнула и перевернулась на спину. Она снова уставилась в потолок.

Наклонив голову, она наблюдала, как младшая бормочет заклинание, которое Гермиона не узнала. Ощущение тепла появилось на макушке головы и в пальцах ног, затем сканирование вниз и вверх. Это было похоже на сканирование. Теплые волны встретились в середине ее тела, а внизу живота она почувствовала быстрое давление.

А затем ее живот засветился. Как будто из пупка вырвался шарик света. Она смотрела на него, светящегося таким белым светом, что он казался голубым.

Из угла комнаты донеслось хихиканье, и Гермиона повернулась, чтобы увидеть Долохова, ухмыляющегося ей.

"Тебе лучше сделать так, чтобы это стоило моих денег, грязнокровка".

Гермиона нахмурилась и увидела, как пухленькая медичка нахмурилась и отвернулась, чтобы что-то начертать в таблице. Младшая из них почесала лицо, скрывая, как она вытирает слезу.

У Гермионы запершило в горле. Она не знала, что означает это заклинание, но могла предположить.

Дополнительные пять тысяч. Разве не так сказала Пэнси?

"Подавители и для этого".

Шар света потускнел и исчез. Молодая ведьма вздохнула.

"У тебя с этим проблемы?" Долохов усмехнулся.

"Нет, сэр".

"Дайте ей две дозы".

Пухленькая обернулась через плечо, но ничего не сказала.

"Две? Сэр, это лишнее..."

"Две", - шипел он.

Гермиона сидела и смотрела, как пухлая ведьма переливает одно снадобье в другое, наполняя до краев. Она протянула зелье младшему. Гермиона отрицательно покачала головой.

"Это временное подавление", - прошептала девушка. "Должно продержаться всего три дня..."

"Не разговаривай с ней. Если есть вопрос или направление, обращайся ко мне", - мрачно сказал Долохов.

Девушка поджала губы и кивнула.

Подавитель. Какой-то ингибитор для ее магии? Когда его успели разработать?

"Ты примешь его или мне придется разжать твою пасть?" - спросил он.

<http://erolate.com/book/4319/155143>